

Новый год в армии. Энциклопедия российского маразма.

25 декабря - последний день осеннего призыва

У нас с участковым уже давно отношения не очень - соседи жаловались на то, что я громко слушаю музыку, ему приходилось с этими жалобами разбираться. В какой-то момент соседи написали на меня коллективную жалобу. Правда, они написали, что я нарушал общественный порядок в тот день, когда меня и дома-то не было: я был на работе, и у меня есть тому свидетели. Из-за этих жалоб я нашему участковому как кость в горле - вот он и пытался меня куда-нибудь сбавить. Никаких повесток я не разу не получал.

Вечером 25 декабря я возвращался домой. Около подъезда меня ждал участковый. Он сказал "пошли" и повел меня в опорный пункт отделения милиции, я даже домой зайти не успел. Зашли к нему в опорный пункт. Милиционер начал на меня орать: почему музыку громко слушаешь, почему от армии уклоняешься? Сейчас поедем в отделение милиции, на ночь я тебя посажу в камеру, а с утра поедем в суд. Я спросил, почему я должен с ним ехать - если мне придет повестка в суд, я туда приду своими ногами. Тогда участковый стукнул меня по голове. Больше вопросов у меня не возникало. И мы поехали в 49-е отделение милиции. В милиции меня сначала посадили в "обезьянник". Из разговора между моим милиционером и начальником отделения милиции я понял, что сначала меня никто не собирался оставлять на ночь, но участковый сказал, что я могу сбежать, и поэтому меня перевели в соседнее помещение - КПЗ. На мой вопрос, на каком основании меня оставляют в КПЗ на ночь, участковый ответил, что меня разыскивает военкомат, поэтому милиционеры могут оставить меня в отделении до тех пор, пока сотрудники военкомата меня не заберут.

Я попросил сотрудников милиции, чтобы мне разрешили позвонить маме, но они не разрешили, а записали номер и позвонили домой сами. В КПЗ меня не кормили, часа через три приехала мама, которая привезла поесть. Камера представляла собой маленькую комнату с круглым окошком под потолком, с лежанкой из досок, там было довольно холодно. Ни одеяла, ни подушки мне не выдали, так что за ночь я очень продрог.

26 декабря - "счастливый" день

В 9 утра 26 декабря в отделение милиции приехали участковый и мама с братом и меня повезли в суд. В зале суда находились я, судья и участковый. Об адвокате никто даже не заикнулся. Судья прочитала заявление соседей, спросила меня: "Ну что ж ты так"? Я сказал, что в тот день меня даже дома не было, есть люди, которые могут это подтвердить. "Значит, - сказала судья, - это было в какой-то другой день". В общем, мне присудили 800 рублей штрафа.

После суда участковый повез меня в военкомат. Он был очень доволен, что сумел отделаться от меня. У дверей военкомата он мне сказал: "У тебя сегодня счастливый день, во столькох местах сразу побываешь". В военкомате моему появлению не обрадовались: Новый год на носу, а тут еще я... Медицинская комиссия прошла минут за 15 - врачи спрашивали: "Жалобы есть? Нет? Иди дальше". В здании почти никого не было - 26 декабря, пятница, почти Новый год - ну кто будет в такое время работать? В комнате, где должна была заседать призывная комиссия, сидели военком и секретарь, больше никого. Военком сказал, что я годен и подлежу призыву: "Молодец, сейчас поедешь в армию". Всего в военкомате я был максимум час, а из них 40 минут сотрудники военкомата искали печать, которую должны были поставить в моем военном билете. Оно и к лучшему: в военкомат успела приехать мама и привезла мне поесть. На выходе из здания меня под руки вели двое, так что мама испугалась и не смогла меня забрать, да и я сам растерялся и не стал вырываться - хотя если бы я тогда убежал, мне бы ничего за это не было: призывали меня с огромным количеством нарушений.

Около семи часов вечера меня привезли на сборный пункт на Угрешской улице. Там меня опять погнали по врачам, хотя время было уже позднее и половины врачей уже не было. Я так думаю, они потом отметки в деле мне задним числом уже ставили. На Угрешке у меня забрали студенческий билет, ключи от квартиры, проездной и пообещали отдать все это маме, но прошло уже довольно много времени, а вещей она так и не получила. Часов в девять вечера всех нас призывников, кто находился в Угрешке, посадили в автобус и под

конвоем отвезли на Казанский вокзал. Там на вокзале, пока мы ждали поезда, из нашей группы двое убежали: толпа большая, затеряться довольно легко, а в лицо милиционеры никого не знают.

27 декабря - "комната досуга"

В Ковров приехали часа в два ночи, там нас запихнули в грузовик и отправили во временную казарму. В казарме нас встретили деды. Они выстроили нас в ряд и потребовали, чтобы мы высыпали на пол все вещи, которые были у нас с собой, - то, что родители нам дали. Прапорщик все это время находился рядом, но сделал вид, будто не заметил этого обыска. Нам повезло: майор который вез нас из Москвы, оказался нормальным человеком, он наорал на прапорщика и сержантов, которые нас обыскивали, и на следующий день пожаловался начальству. Вещи нам вернули.

Между тем очень хотелось спать. Время - три часа ночи, все спят, все ~~кровати~~ кровати заняты другими призывниками. Человек, который нас встретил, показал на стоящие в коридоре табуретки сказал: "Спите здесь". Пришлось делать кровати из табуреток.

Утром нас разбудили и отправили проходить медкомиссию. Нам делали какие-то уколы, какие - не говорили. Потом, ближе к полудню, наш майор поднял шум, и нас все-таки покормили - первый раз за сутки.

Потом нам выдали форму и повели в баню. После бани мы переоделись, кое-как намотали портянки - как это делается правильно, нам никто не показал, поэтому ходить потом в сапогах было очень неудобно. Гражданскую одежду нас заставили положить в бумажные пакеты и написать на них свой домашний адрес: нам объяснили, что вещи отправят обратно домой. Честно говоря, этому никто не поверил - все знают, что эти вещи военные потом или себе возьмут, или продадут. Я свои вещи отдал, потому что девать их все равно было некуда, а сержанты и прапорщик сказали, что если мы не хотим посылать вещи домой, то можем просто их выкинуть, потому что в часть с собой их все равно нельзя будет взять. Некоторые выбрасывали.

Вечером нас покормили и повели на электричку. На станции был небольшой магазинчик, и многие ребята купили там себе еды - кто печенья, кто конфет, кто хлеба. Сели на электричку, доехали до станции Федулово, потом пешком дошли до учебки.

В учебке нас завели в класс, рассадили за парты и начали процедуру "ознакомления с личным составом": какие-то тетки-капитанши вызывали нас по одному, заполняли анкеты, а все остальные сидели за партами. Все это время между рядами ходили местные сержанты, которые спрашивали: "Есть че пожрать или покурить?". Я тогда еще не разобрался, кто есть кто, и сдуру показал на свой пакет с едой - дескать, возьми сколько надо; тогда сержант забрал весь пакет. В общем, я понимал, что не отдавать - себе дороже: мне же потом с этими сержантами жить рядом. В нашей группе оказалось человек пять из Владикавказа, которые с самого начала начали обороняться. Как только один из сержантов попытался ударить одного, за него вступились еще четверо, и больше сержанты их не трогали. Потом, я слышал, эта пятерка хорошо устроилась: с ними считался весь комсостав части.

Затем нас распределили по ротам и повели в казармы. В казарме нас завели в "комнату досуга" - такое темное помещение с одной еле-еле мерцающей ртутной лампой под потолком. Там уже совсем наши сержанты, с которыми нам предстояло прожить полгода учебки, заставили нас вывалить на пол остатки наших вещей. Сержанты забрали сигареты, гелевые ручки, часы, дорогую зубную пасту, бритвы, дорогое мыло, носки, туалетную бумагу, тетрадки, конверты. В результате у нас остались только портянки. Затем наступила очередь денег - у некоторых из нас еще оставалось по 200-300 рублей. Тогда к нам вышел "разводящий" сержант, который умел очень хорошо говорить и расписывать понятия. Он всем объяснил, что в казарме все строится на понимании. "Вы нас поймите, - говорил сержант, - нам нужны деньги, тогда и мы вас поймем и будем лучше к вам относиться. Вам же все равно тут деньги не нужны". Все это было очень похоже на разводку, когда в Москве на улице шпана подходит и начинает вот так деньги вымогать, но ребята уши развесили, поверили этому сержанту и начали отдавать деньги - некоторые самое последнее поотдавали - те, которые в тубик с пастой ныкали.

Около часа ночи нас все-таки разложили по кроватям. В казарме было холодно, а одеяла тоненькие, приходилось укрываться бушлатами. Кое-как удалось заснуть.

28 декабря - те же и табуретки

В шесть утра нас подняли, отвели на завтрак. Затем началась тренировка - нас учили заправлять кровать. Для этого нам раздали специальные досочки и сказали, что кровать должна быть застелена таким образом, чтобы одеяло стояло под прямым углом. После того как заправил свою кровать, надо было помочь соседу, а затем

заправить кровать сержанта, который, разумеется, ничего сам не заправлял. Сидеть на кроватях запрещено - естественно, всем кроме сержантов.

Кроме как заправлять кровать и подметать пол в казарме заняться было нечем. Все остальное время мы проводили в коридоре сидя на табуретках. Причем в казарме на тот момент находилось 150 человек, а табуреток было 120. Там же в коридоре был телевизор который, естественно, не включали. При этом всем нужно было сидеть лицом в одну сторону, разговаривать и поворачиваться запрещалось. Иногда ребят по несколько человек забирали для того, чтобы они помогли отремонтировать казарму - штукатурить или что-то забивать. А все остальные продолжали сидеть на табуретках. Письма писать тоже запрещалось - некоторым, правда, удавалось раздобыть клочок бумаги что-то написать на коленке. Так мы и просидели на табуретках целый день. Впрочем, и все последующие дни мы занимались примерно тем же самым.

29 декабря - война за бушлаты

Часов в 10 нас отвели на построение на плацу, потом шла переключка, потом выходил полковник, мы тоже ему желали здоровья, он бухтел нам что-то поучительное, а затем мы возвращались в казарму.

В столовой развернулась война из-за бушлатов. Каждый подходил к вешалке и брал не свой бушлат, а тот, который получше, поэтому нормально поесть так и не удавалось - все время приходилось стеречь свою одежду. А потом долго выясняли, кто у кого бушлат украл. Так и коротали время.

Поговорить было особо не с кем: большинство ребят не москвичи, с очень низким уровнем образования, так что общий язык было найти очень непросто. Основная тема для разговоров - кто и как именно не хочет служить и как хорошо было дома.

На вечерней переключке, когда выкрикивали имя сержанта, нам надо было хорошо говорить, сколько ему осталось до дембеля.

30 декабря - первый побег

В этот день наше сидение на табуретках несколько разнообразилось: нам раздали тетрадки, продиктовали текст присяги, чтобы мы его выучили наизусть, а заодно и список комсостава. Кроме того, нам сказали, что тетрадки нам выданы на целый год и за любую лишнюю запись нам грозит наряд.

В тот же день один из ребят, который был со мной в одном взводе, сбежал. Мы вышли из казармы на ужин, он улучил момент и смылся. Естественно, никто из тех, кто видел, как он убежал, ничего не сказал командирам. Схватились где-то через час, когда ловить его было уже поздно.

После отбоя меня заставили драить сортир.

31 декабря - среди нас "крыса"

Сбежал еще один призывник. Он пошел в медчасть, там его ждала мама, которая забрала его домой в Москву. Как я понял, приехав в Москву, они пошли в Комитет солдатских матерей. Как выяснилось, тот парень в первый же день умудрился покурить в туалете, что было строжайше запрещено. За это его сержант загнал под кровать и заставил там сидеть целый день. Когда стало известно, что призывник обратился в КСМ, нас собрал "разводящий" сержант, тот, который нас деньги убеждал отдать, и сказал: "Среди нас появилась "крыса" - он пошел жаловаться в КСМ, теперь к нам приедет из Москвы специальная комиссия, устроит нам сладкую жизнь, а потом мы вам устроит такую же, только хуже. А если кто еще пожалуется - убую". Комиссия из Москвы так и не приехала, но зато пришли полковники, перекопали все наши тумбочки и сержантские кладовки, нашли там "гражданку", в которой сержанты ходили в самоволку, и устроили большой скандал. Сержанты озлились.

Новый год

На Новый год нам в коридоре выставили длинные столы, на столах небольшие тарелочки, в которых лежали нехитрые сласти. Одну тарелочку еды нужно было разделить на троих призывников, а как разделить, если на троих предлагалось разделить, например, два пряника? Ну еще в тарелочках было несколько печений типа "Юбилейное", дешевые конфеты. Кроме сладостей, на троих надо было так же разделить бутылку газировки и бутылку сока. А в комнате праздновали сержанты: как положено, с салатом "оливье", с шампанским. В 12 ночи они вышли из комнаты чтобы послушать Путина, выпили шампанского и ушли обратно.

3 января, ПХД (полностью хреновый день)

По субботам нас заставляли драить полы. Пол - это простые, некрашенные доски. За неделю от сапог доска становятся черными. В субботу кровати выставили в коридор, сержант из бутылочки полил пол водой, затем нам надо было его намылить, а потом пряжками от ремня отскрести пол по белу. Пол драили от завтрака и пока чистым не станет. Некоторых ребят заставляли переделывать работу по несколько раз. При этом в казарме было холодно и горячей воды не было. Нам сказали, что пряжками отдраивать пол придется до лета, а летом пол покрасят.

Побег

Присяга должна была быть 18 января. Все это время я думал, как бы уйти из этой армии. Понятно, что надо было уходить до присяги, потому что после на меня бы завели уголовное дело за дезертирство. Второго января я попросил одного сержанта, нормального парня, которого оставили в учебке, потому что он подарил части компьютер, чтобы он мне дал свой мобильный позвонить домой. 6 января ко мне приехали мама с братом. Они поселились в офицерской гостинице, потом меня ей отдали под залог ее паспорта. Как только я оказался на свободе, мы с братом сразу сбежали. Мы поменялись одеждой - он взял мой бушлат и сапоги, а я его куртку, чтобы не сразу можно было понять, что я сбежал. Сначала мы добрались на электричке до Коврова, а оттуда автобусом до Москвы.

Пока мы ехали в Москву, маму мучили в части - ей не отдавали ее паспорт, она обошла все руководство части, очень многих просила, но офицеры над ней просто издевались напоследок - ничего другого они сделать не могли. Но в конце концов они отдали паспорт, и мама вернулась домой.

Сейчас я дома не живу, чтобы опять за мной не пришли и не отправили обратно. Мы вместе с Сергеем Егоровичем Сорокиным, который помогает таким как я ребятам, готовим жалобу в прокуратуру: попытаемся доказать что меня призвали незаконно. В такой армии я служить не хочу и не буду: в этом году вступил в силу закон "Об альтернативной гражданской службе", я собираюсь проходить службу именно там. А в армии пусть служат те, кому нравится все то, о чем я вам рассказал.

Автор: Артур Скальский © Колокол.RU IT'S MY LIFE..., РОССИЯ 👁 17593 12.01.2004, 14:57 📌 475
URL: <https://babr24.com/?ADE=10980> Bytes: 15072 / 14917 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)